

XXI. Что же будет после?

«А что же будет после?» спрашивают нас иногда наши противники, когда нам удастся, наконец, показать им недостатки нашего современного общественного строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существовании, что самые лучшие из них неизбежно, в силу самых существующих учреждений, обращаются против своей первоначальной цели и только ухудшают положение эксплуатируемых; что всякая реформа, способная действительно улучшить положение рабочего, должна для этого изменить существующие учреждения в самых их основах, а так как правящие классы никогда на это не согласятся, то для её осуществления все равно придется прибегнуть к революции.

Но эта революция пугает многих связанными с ней потрясениями, а потому, вполне признав болезненное состояние общества, они останавливаются перед этим средством к его изменению.

«Конечно», говорят они, «может быть вы и правы: общество, действительно, плохо устроено и должно измениться. Что касается революции, то..., пожалуй, я ничего не имею против неё... но что же будет дальше?»

«А дальше», отвечаем мы, «личностям будет предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворения своих физических, умственных и нравственных потребностей. Раз власть и собственность будут уничтожены, раз общество будет основано уже не на борьбе интересов, а, наоборот, на самой тесной солидарности, раз людям не придется дрожать за будущее и постоянно думать о том, чтобы скопить копейку на черный день, – они перестанут смотреть друг на друга как на врагов, каждую минуту готовых перегрызться из-за куска хлеба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнут, а вместе с тем в обществе воцарится согласие.

Будет, конечно, существовать соревнование между различными группами – соревнование в достижении лучшего, в достижении той или другой идеальной цели, которая будет все больше и больше расширяться по мере того, как стремления личностей будут находить себе удовлетворение. Но это соревнование будет вполне мирным, потому что к нему не будет примешиваться никакого торгашеского или правительственного интереса; те группы, которые отстанут от других, всегда смогут воспользоваться плодами деятельности более передовых.

В наше время существование бедности зависит от того, что торговые склады переполнены товарами, так что, пока они не найдут сбыта, очень многие рабочие остаются без работы и голодают; это одно уже ясно показывает нам всю ненормальность современного общественного строя.

В том обществе, к которому мы стремимся, будет происходить обратное; чем в большем изобилии окажутся продукты, тем легче установится всеобщее согласие, потому что людям

не придется высчитывать размеров своего потребления; чем быстрее научатся они производить, тем больше будет введено усовершенствованных машин, тем меньше будет количество труда, на долю каждого, и тем скорее этот труд сделается тем, чем он должен быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражнения мускулов.

В разумно устроенном обществе труд должен перестать быть для человека тягостью и страданием, каким он является, благодаря своей чрезмерности, в нашем эксплуататорском строе. Он должен сделаться ничем иным, как одним из занятий в ряду всевозможных других развлечений и работ – физических и умственных, – которые люди будут выбирать себе сообразно своим склонностям и без которых они постепенно превратились бы в простые пищеварительные мешки, что не преминуло бы случиться с буржуазией, если бы ей удалось упрочить свое господство, и. что уже случилось с одним видом муравьев, которые потеряли способность сами кормиться и умирают с голоду, если возле них не окажется рабов.

«Конечно», возражают наши противники, «все это очень хорошо и ваш идеал, несомненно, – высший идеал, к какому только может стремиться человечество; но на чем вы основываетесь, когда думаете, что всё пройдет так гладко, что сильные не захотят угнетать слабых, что не найдется лентяев, которые предпочтут жить на счет чужого труда? Если напор толпы не будет сдерживаться никакой плотиной, то кто знает, не окажется ли революция шагом назад, вместо того, чтобы быть шагом вперед? А если она будет побеждена, то не приведет ли это к застою в идеях на какие-нибудь двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть и больше лет?»

«Если же вы победите, то разве вы сможете помешать отдельным случаям мести? разве вы сможете всегда сдерживать толпу? И с той, и с другой стороны тогда разгорятся дикие, животные страсти, свойственные человеку, вернувшемуся к состоянию зверя».

Мы ответим на это, что все окружающее неизбежно ведет нас к этой революции; и все обостряющийся экономический кризис, и все большая трудность жизни, и политические затруднения, все усиливающиеся и заставляющие терять голову людей, держащих «бразды правления». Мы придем к этому самой силой вещей, а потому единственное, что нам остается, это – быть готовыми к участию в событиях, чтобы по возможности повернуть их в пользу наших идей.

Но страх перед неизвестностью так упорно сидит в людях, что, вполне согласившись с логичностью и правильностью наших выводов, наши противники всё-таки продолжают возражать: «Все это так, но всё-таки лучше было бы действовать с осторожностью. Прогресс совершается мало-помалу и сильных потрясений лучше избегать; может быть удастся и так вынудить у буржуазии кое-какие уступки».

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно относящиеся к делу, сознательно не желающие убедиться, то мы бы просто бросили всякий спор с ними. Но, к несчастью, между ними есть и люди в высшей степени добросовестные, но просто захваченные влиянием среды, воспитания и привычки видеть повсюду деятельность власти, – люди, которые думают, что все погибло, как только эта власть исчезла с горизонта. Не находя никаких новых возражений, они тогда невольно возвращаются к первому своему аргументу – что

нельзя себе представить такого общества, где не было бы ни законов, ни судей, ни полицейских и где люди жили бы без всякой борьбы, мирно помогая друг другу.

Что сказать им в ответ? Они требуют доказательств того, что общество будет функционировать именно так, как мы думаем; мы приводим им доказательства, почерпнутые из логики фактов, из сравнения и разбора их, но что касается доказательств более осязательных, то их может дать только опыт, а, чтобы его проделать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Нам остается тогда ответить им следующее:

Мы доказали вам, что современный строй вызывает бедность и голод, что он держит в невежестве целый – и наиболее многочисленный – класс народа, что он мешает развиваться целым поколениям, передавая им по наследству всевозможные предрассудки и ложные понятия.

Мы доказали, что вся современная общественная организация ведет только к эксплуатации массы в пользу привилегированного меньшинства.

Мы доказали и то, что как недостатки общественного устройства, так и развитие новых стремлений среди рабочих, неизбежно ведут нас к революции. Что же мы можем прибавить еще? Если нам все равно придется сражаться, то будем же лучше сражаться за то, что кажется нам лучшим и справедливейшим.

Окажемся ли мы победителями, или побежденными? Этого никто предсказать не может. Но если мы будем ждать с нашими требованиями до тех пор, пока мы не будем уверены в победе, то наше освобождение может отдалиться на целые века. Да и не в наших силах управлять обстоятельствами: по большей части, наоборот, они увлекают нас за собой и единственное, что мы можем сделать, это – постараться предвидеть их, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А раз борьба начнется, дело анархистов – приложить всю свою энергию для того, чтобы своим примером увлечь за собой массу.

Что в готовящейся революции будут отдельные случаи мести, будут убийства, будут даже проявления дикости – это очень вероятно и этого следует ожидать; но можем ли мы эти случаи предотвратить?

Им не только никто не может помешать, но даже и *не должны* мешать. Если толпа пойдет дальше самих пропагандистов – что-ж! тем лучше. Лучше пусть она расстреляет тех, кто захочет проявить излишнюю сентиментальность, чем даст оставить себя ради спасения нескольких жертв: иначе она, пожалуй, позволит удержаться и тем, кто захочет сделать это с целью усмирить революционный дух или помешать ей разрушить некоторые учреждения, которые должны исчезнуть, или ради желания спасти кое-что из того, что должно быть уничтожено. Раз борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не доверяет разным сентиментальным фразерам; пусть она неумолимо разрушит все то, что захочет стать ей поперек дороги.

Все, что мы можем сделать, это – теперь же заявить, что исчезновение той или другой личности не должно иметь значения для рабочих, что предметом их разрушительной работы должны быть учреждения, что именно их нужно вырвать с корнем и окончательно уничтожить, не оставив ничего такого, что дало бы им возможность вновь возродиться под другим названием.

Буржуазия сильна только благодаря своим учреждениям, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемым, что они заинтересованы в сохранении этих учреждений, и заставить их сделаться их вольными или невольными защитниками. Предоставленная самой себе, она не сможет сопротивляться революции, да и много ли найдется среди неё людей, которые сделают этого рода попытку? Вот почему отдельные личности сами по себе не представляют для нас никакой опасности.

Но если найдутся в момент революции такие, которые явятся препятствием, пусть тогда революционная буря унесет их; если встретятся отдельные случаи мести, то виноваты в этом будут те, кто вооружил против себя массу. Должно быть эти люди сделали много зла, если ненависть к ним не успокоилась на уничтожении их класса, на отмене их привилегий; пусть же те, которые хотят их защищать, выпутываются из этого положения, как им будет угодно. Толпа никогда не идет слишком далеко, хотя это иногда и говорят некоторые из её вожаков, боящиеся нравственной или фактической ответственности.

Отбросим же в сторону глупый сентиментализм – даже если и случится, что гнев толпы обратится на более или менее невинную голову. Чтобы заглушить в себе чувство жалости, нам достаточно будет вспомнить, сколько тысяч жертв поглощает теперь ежедневно пасть общественного минотавра ради выгоды сытой буржуазии. И если окажется, что несколько буржуа будут повешены где-нибудь на фонаре, убиты на улице или брошены в воду, то они только пожнут то, что сами посеяли. Тем хуже для них! Кто не с толпой, тот против неё.

Для нас, рабочих, положение дел очень ясно: с одной стороны – настоящее, современное общество со всеми его бедствиями, с неуверенностью в завтрашнем дне, с лишениями и страданиями без всякой надежды на улучшение, общество, в котором мы задыхаемся, где наш мозг гложет, где мы должны подавлять в себе всякое стремление к добру, к красоте, всякое чувство справедливости и любви к людям; с другой – будущее, идеал свободы, счастья, умственного и физического удовлетворения, одним словом – полный расцвет нашей личности. Колебаний в выборе у нас быть не может. Какова бы ни была судьба будущей революции и что бы с нами не случилось, ничто не может быть для нас хуже настоящего положения. Современное общество стесняет нас, мы должны его низвергнуть, и будь что будет с теми, кто окажется раздавленным под его тяжестью! Они сами виноваты в том, что хотели укрыться у его стен, удержаться за его гнилые подпорки, вместо того, чтобы стать на сторону разрушителей.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:18:39

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:18:54